

Мира Форст
На веки
ВЕЧНЫЕ

Мира Форст
На веки вечные

«Автор»

2024

Форст М.

На веки вечные / М. Форст — «Автор», 2024

Князь Бартлетт Мюрай заставляет людей опускать глаза при встрече. Ведь все его лицо испещрено шрамами, а по слухам, он способен усмирять самих аспидов. Как так получилось, что его полюбила графиня Элиас Морлимер? И смирится ли с таким положением дел тот, кто считает себя женихом графини? В книге есть: пограничный мир, небесное воинство, мифические существа, любовь.

© Форст М., 2024

© Автор, 2024

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Светский раут	6
Глава 2. Выбор	15
Глава 3. Ребенок	21
Глава 4. Пограничный мир	28
Глава 5. Подозрения	41
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Мира Форст

На веки вечные

Пролог

Элиас умирала. Странно осознавать такое в пятнадцать лет. Но зубы аспидов, что впились в тело, надежды не оставляли.

Лора умерла раньше. Умерла из-за нее, из-за ее глупости и своеволия. Ведь это она пожелала отправиться к оврагу, несмотря на строгий запрет. И теперь верной служанки больше нет. А скоро не станет и самой Элиас.

Невыносимая боль. От такой боли полопались все сосуды в глазах.

Как сильно пахнет кровью. Убейте уже поскорее. Избавьте от мучений.

– Потерпи, малышка.

Кто это говорит? У нее галлюцинации? Она перешла за грань? Почему тогда все еще чувствует адскую боль? Почему слышит стук чужого сердца?

Бартлетт узнал девушку. Юная графиня Морлимер. Ее служанке уже не помочь, а вот у графини шанс пожить еще есть.

Мужчина отодрал от девичьего тела крылатых тварей. Те зашипели, но Бартлетт не позволил им вновь напасть на нее. Аккуратно, насколько это было возможно, поднял израненную графскую дочку с промерзлой земли.

Сознание Элиас угасало. Но прежде чем началась схватка за ее жизнь, она разглядела лицо, испещренное шрамами.

Девушка помнила это лицо через две недели, когда очнулась в своей постели, помнила спустя год. И узнала по прошествии трех лет.

Глава 1. Светский раут

Бартлетт редко принимал приглашения. Но на приеме, устроенном графом Франком Морлимером, все же появился. Во-первых, об этом его просил сам король, во-вторых, ему было интересно посмотреть на девушку. Он не интересовался ее судьбой после того, как вырвал из лап аспидов и вернул родителям. Слышал только, что она выжила тогда.

В усадьбу Морлимеров, больше похожую на дворец, чем на обычный дом, Бартлетт сознательно прибыл позже указанного в приглашении часа. Все же дамы. Не хотел акцентировать внимание на своем появлении и пугать женщин. Шрамы вовсе не красили его.

– Как думаешь, могу я сама пригласить Хендрика на танец?

– Моя мама говорит, мужчина должен догонять женщину, а не наоборот, – со знанием дела ответила своей лучшей подруге Илоне восемнадцатилетняя Элиас.

Фелиция, мать Элиас, пользовалась большим авторитетом у девушек, потому Илона решила прислушаться к совету и подождать, когда Хендрик сам подойдет к ней.

Подружки устроились на изысканном, но совсем неудобном диванчике и наблюдали за гостями. Светский раут, устроенный в виде фуршета, шел полным ходом. Вот-вот ожидалось танцы, а пока их не объявили, все разбилось на небольшие группы и вели непринужденные беседы.

– Рид не сводит с тебя глаз, – заметила Илона. – Он еще не сделал тебе предложение?

– Нет. Но я планирую отказать ему, – фыркнула Элиас.

– Но почему? – искренне недоумевала подруга. – Если бы только такой мужчина обратил на меня внимание, уж я бы свой шанс не упустила!

– А как же Хендрик? – поддразнила ее Элиас.

– Ты же знаешь, – вздохнула Илона. – Женихи ко мне в очередь не выстраиваются. Хендрик единственный, кто вообще заинтересовался мною.

– Но он тебе хотя бы нравится?

– Он симпатичный.

– Я не о том. Сердце. Что подсказывает тебе сердце?

– То, что мне надо хватать Хендрика и тащить его под венец.

Девушки рассмеялись, но Элиас вдруг оборвала смех.

– Кто это? Кто это рядом с моим отцом? – взволнованно спросила она и даже привстала с диванчика.

Граф Франк Морлимер, крупный и все еще красивый для своих лет мужчина, небрежно облокотился об перила парадной лестницы. Его массивная фигура частично загорживала собеседника.

Илона, заинтригованная волнением подруги, тоже встала. Она была высокой девушкой и без труда разглядела второго мужчину.

– Князь Бартлетт Мюрай. Твой отец говорит с ним, – села она обратно на жесткий диван.

Элиас начала вести себя странно. Теревить сережки в ушах, манжеты на рукавах бального платья.

– Что с тобой? – удивилась Илона.

– Бартлетт Мюрай. Это он спас меня тогда, три года назад, – выпалила девушка.

– Жаль, что он так ужасен, – пожала плечиками Илона.

– Ужасен? Почему ты так говоришь? – с жаром воскликнула Элиас.

– Ну, эти шрамы на лице. И вообще, я слышала – его все боятся. Даже аспиды.

Пока девушки разговаривали, приглашенные музыканты заняли отведенные им места и заиграли первую мелодию.

– Элиас, ты куда? – изумилась Илона. Так стремительно подхватила ее подруга.

– Собираюсь пригласить Бартлетта на танец.

– А как же...

Но Морлимер уже ее не слышала.

– Нормально, мне, значит, нельзя самой пригласить мужчину, а ей можно, – ворчала Илона. – И, что за блажь – танцевать с таким жутким типом?

Девушку настолько удивил поступок подруги, что она упустила из виду Хендрика. А когда посмотрела в сторону балкона, где видела мужчину последний раз, там его уже не было.

Нашелся ее предполагаемый жених быстро, Хендрик танцевал с признанной красавицей округа – Калиной Вьен.

Конечно, она ведь не хромоножка, в отличие от меня, – печально подумала Илона. – Да и приданое за Калиной дадут явно получше, чем за ней.

– Потанцуешь со мной? – вывел девушку из грустных дум знакомый голос.

Хендрик был тотчас забыт.

– С удовольствием, – вложила она свою ладонь в протянутую руку.

До чего же он хорош, – млела Илона, ведомая в танце мужчиной. – Как может Элиас отказывать ему?! А вдруг он пригласил ее не просто так? Вдруг она нравится Риду?

– Зачем Элиас пригласила на танец Бартлетта? – задал вопрос Рид.

Илона мысленно вздохнула, ее позвали только для того, чтобы выведать подробности о другой. Как всегда...

Граф Франк Морлимер отвлекся от увлекательной беседы и улыбнулся дочери.

– Разве не ты желала танцевать всю ночь напролет? – выдал он ее намерения их гостю.

– Так и есть, – не стала отпираться Элиас. – Я хотела пригласить князя Бартлетта.

– Меня? – немного растерялся Мюрай.

Когда-то он танцевал на подобных приемах. Но это было давно, до того, как его изуродовали. Бартлетт и не предполагал, что кто-либо из девушек захочет встать с ним в пару. И дело было не только в шрамах на лице. А в слухах, что кружили вокруг него, отчасти правдивых. Женщины интуитивно боялись князя.

Спасенную им маленькую графиню мужчина узнал не сразу. А когда понял, кто перед ним, что-то дрогнуло в его сердце. Что-то далекое и забытое. Он залюбовался ею. Каштановые волосы убраны в красивую прическу. Гладкая, нежная кожа. Точенный носик. Выразительные голубые глаза, чувственные губы. Хорошо, что ее личико не пострадало во время нападения аспидов. Преступно было бы уничтожить такую красоту.

– Так как, князь? Потанцуете со мной? – несколько неуверенно повторила свой вопрос Элиас.

Она не могла знать, о чем он думает, и предположила, что заминка вызвана его нежеланием идти с ней.

Бартлетт шагнул навстречу девушке.

– Я рад, что ты выжила.

– Благодаря тебе.

Рид сжимал кулаки. Почему она не замечает его? Почему смотрит влюбленными глазами на этого обезображенного охотника? И танцует с ним всю ночь напролет. Ему было больно смотреть на них. Сколько лет он ухаживает за Элиас, а она раз за разом топчет его чувства!

Бартлетт опомнился лишь к утру, сообразил, что даже о просьбе короля забыл.

– Элиас, я вынужден откланяться, – с сожалением убрал он руки с тонкой девичьей талии, спрятанной под изумрудным бархатом модного платья.

– Но мы ведь еще увидимся? – с надеждой заглядывала она в его глаза.

– Я могу приехать вечером.

– Буду ждать тебя, – пообещала Элиас и упорхнула от него.

Словно птичка, – подумал он и улыбнулся. Наверное, впервые за последние пять лет.

Элиас засыпала с мыслями о нем. Какие у него красивые глаза! Серые, но словно серебро. А какой гордый профиль!

В отличие от всех, кто видел и знал князя, она отчетливо представляла себе лицо Бартлетта без шрамов и находила его невероятно привлекательным.

– Я влюбилась, – счастливо прошептала Элиас.
Она улыбалась даже во сне.

– Дочь, мы с твоим отцом ждем объяснений, – строго сказала Фелиция, когда семья собралась за столом на поздний обед.

Элиас только-только проснулась и явилась к столу в домашнем платье и с распущенными волосами. Выглядела она слегка заспанной. Ее же мать уже успела облачиться в нарядное платье, уложить волосы в прическу и подобрать украшения для идеального довершения облика светской дамы.

– Мама, ты спрашиваешь про Бартлетта?

– Именно. Франки сказал мне, что инициатива пригласить князя на танец исходила от тебя. А затем я и сама прекрасно видела, что вы не отлипали друг от друга.

– Так и есть. А еще он обещал вечером быть у нас, – довольно сообщила Элиас.

На ее лице блуждала улыбка, и Фелиция с подозрением спросила:

– Ты что, влюбилась?

– Уже давно. Я люблю князя с того дня, как он спас меня, – призналась девушка.

– А как же Рид? – потрясенно уточнила графиня. – Еще на той неделе его матушка по секрету сообщила мне, что мальчик вот-вот собирается сделать тебе предложение. Я думала, он дожидался как раз бала. Но ты все испортила.

– Фелиция, – вмешался граф. – Зачем ты так? Между прочим, род князей Мюрай ничем не хуже рода графов Руссель. И, если наша дочь станет женой Бартлетта, мезальянс не будет.

– Это я понимаю, – чопорно поджала губы Фелиция. – Но Рида мы хорошо знаем. Он умен, хорош собой и за ним не тянется шлейф жутких слухов. Да и возраст к тому же. Риду двадцать два. У Элиас с ним должно иметься намного больше общих тем, чем с Мюраем. Сколько ему лет? Он выглядит на тридцать.

– Бартлетту двадцать семь, – подсказал Франки.

– Не знаю – не знаю. Кандидатура Рида внушает мне больше доверия.

Женщине не хотелось расставаться с нарисованными в голове картинками красивой свадьбы ее дочери с графом Ридом Руссель, когда все будет восхищаться прелестной парой, что станет невозможным, если место жениха займет князь Бартлетт Мюрай.

– Мамочка, но я не люблю Рида и совсем не хочу за него замуж, – взмолилась девушка.

– Знаешь, Фелиция, я не буду возражать, если Бартлетт попросит руки Элиас, – поддержал отец свою единственную и горячо любимую дочку. – Князь мне нравится, несмотря на шрамы и, несмотря на все слухи.

– Ну, ладно. Я согласна, что фамилия Мюрай несколько не испортит нашу родословную. Но ты, Элиас, обещай все-таки хорошенько подумать, прежде чем совершать опрометчивые поступки.

– Обязательно подумаю, – обняла родителей счастливая Элиас.

На самом деле Фелиция надеялась, что князь не приедет ни сегодня, ни в какой другой день, и все как-нибудь образуется.

Но Бартлетт приехал.

Спрыгнул с лошади, велел слуге Морлимеров позаботиться о животном и вошел в дом.

Элиас уже ждала его в холле.

– Я в окно тебя увидела.

– Ждала меня?

– Очень.

Ему невероятно нравились ее искренность, непосредственность и всякое отсутствие жеманства.

Не смог удержаться, обнял девушку.

– Я соскучился.

Она прильнула к нему. Спрятала лицо на его груди.

Он слышал, как быстро стучит ее сердце.

– Где твои родители?

– Уехали к папиным друзьям.

– А ты почему не поехала?
Элиас отстранилась от него.

Она смотрела на него, на его лицо. И не отводила взгляда, как делали почти все, кто сталкивался с ним. Спросила:

– Ты бы расстроился, если не застал меня дома?
– Очень, – честно ответил он. – И, вероятно, больше не приехал бы.
– Вот видишь, – улыбнулась она. – Я правильно сделала, что не отправилась с родителями.

Бартлетт когда-то влюблялся, когда-то в другой жизни, но те чувства не шли ни в какое сравнение с тем, что он испытывал сейчас. Он хотел защитить эту девочку от всего мира, хотел быть подле нее каждую секунду, хотел, чтобы она никогда не отвернулась от него, не испугалась.

– Я попросила подать нам чай в летнюю беседку. Ты ведь не против?
– Совсем не против.

Ему было все равно где пить чай, лишь бы рядом с ней.

Летняя беседка, оформленная глазуревыми изразцами и скрытая от посторонних глаз сильно вьющимися цветущими растениями, располагалась в глубине сада. Когда Элиас привела его туда, столик уже был накрыт на двоих.

– Сад под стать усадьбе, такой же большой, да? – улыбнулся Бартлетт.

– Это мама у нас любит все масштабное, – смущенно ответила она.

– И тебе это не очень нравится? – догадался он.

– Не очень, – согласилась Элиас, – в нашем доме много лишнего. Да и сад, настолько бесконечный, что незнающему человеку тут и заблудиться легко.

– Моя усадьба значительно меньше. Надеюсь, тебе понравится.

– Ты приглашаешь меня в гости?

– Элиас, я надеюсь, ты войдешь в мой дом хозяйкой, – серьезно сказал Бартлетт.

Девушка отставила чашку с чаем, поднялась с плетеного кресла.

Князь забеспокоился. Он напугал ее? Слишком поспешил со своим признанием? Она сейчас откажет ему?

Но Элиас удивила Бартлетта. Вместо того, чтобы уйти, она устроилась на его коленях.

– Элиас, – выдохнул он.

Она провела тонкими пальчиками по его шее, дотронулась до щеки. Погладила по плохо зарубцевавшемуся шраму. Затем принялась расстегивать пуговицы на его рубашке.

– Элиас, – со всей осторожностью, чтобы не навредить, не сделать больно, перехватил нежное запястье, останавливая. – Ты готова так далеко зайти, даже не будучи еще моей женой? А если нас увидят? Тебя увидят?

– Мне все равно. Пусть все болтают, что хотят. Я люблю тебя.

– Любишь меня? – переспросил, хотел, но не мог поверить.

– Да. Люблю, – ответила она. – На веки вечные.

– Я у твоих ног, Элиас. На веки вечные.

Она целовала его шею, лицо, глаза. И эта простая ласка сводила Бартлетта с ума. Знала ли, понимала ли, что сейчас имеет над ним полную власть? Что сказанные им слова «я у твоих ног» были буквальными?

Его никогда не прельщали девственность и неопытность. Но только не сегодня. Что с ним сделала эта девочка? Боже, за какие заслуги послана ему такая награда?

Они долго не могли оторваться друг от друга, долго шептали ласковые слова друг другу, а после – долго лежали, обнявшись, на дощатом полу укрытой от посторонних глаз беседки.

– Элиас, вечерняя заря занимается, – поправил он ее разметавшиеся волосы. – Скоро вернутся твои родители.

– Не хочу, чтобы ты уходил.

– Буду завтра. Обещаю. Я собираюсь поговорить с графом Морлимером.

Он подал ей платье и спросил:

– Элиас, а что ты делала у оврага, тогда, три года назад?

– Хотела на лед посмотреть. Никогда снега и льда не видела. А в округе болтали, будто овраг замерз. Вот и посмотрела. Еще и Лору подговорила со мной отправиться.

При воспоминании о том страшном дне девушка привычно замкнулась.

– Ты не знала, что аспиды появляются там, где лед? – ласково погладил он ее по щеке.

– Не знала. Отец сказал только, что ходить к оврагу нельзя, а почему не объяснил. Думал, я не слушаюсь. А у меня возраст такой был, не слушаться, понимаешь?

– Понимаю, – опустил он перед ней на колени и одел на ее ножки нарядные туфельки.

Дома Элиас ждала записка от Илоны.

«С нетерпением жду объяснений», – писала подруга. – «Рид выглядел огорченным. А Хендрик так и не подошел, хотя знает, что хромота не сильно беспокоит меня в танце. Он весь вечер увивался за Калиной Вьен. Зачем ты променяла Рида на Бартлетта?».

Никто меня не поймет, – досадливо смяла Элиас исписанный листочек. – Разве что, папа.

Бартлетт появился уже наутро. Она только и успела, что умыться. Услышала знакомый голос и помчалась в гостиную, не потрудившись даже расчесать волосы.

В гостиной расположились князь и ее родители. Фелиция, естественно, выглядит с иголочки. Естественно, смотрит на дочь с неодобрением. Элиас поняла, позже ее ждут нравоучения по поводу подобающего внешнего вида леди.

Она хотела кинуться к нему, обнять, целовать, но благоразумно сдержалась.

В ее присутствии я превращаюсь в желе, – думал Бартлетт, глядя на самую восхитительную девушку на свете. И что удивительно, ему это нравилось.

– Прошу меня извинить за столь ранний визит, – все-таки заставил себя князь оторвать взгляд от Элиас и начать говорить. – На юге вторжение. Король собирает войско. Я вынужден ехать немедленно.

– Ехать? Немедленно? – расстроилась молодая графиня.

– К сожалению, да. Но я не могу уехать, не сделав того, что собирался сделать.

Надежды Фелиции на то, что князь не воспринял ее дочь всерьез, не оправдались. Хотя, надо признать, женщине импонировала его решительность. Накануне они с Франки вернулись слишком поздно, и она не успела разузнать, навещал ли Бартлетт ее дочь. Но, судя по горящим глазам последней, он был здесь.

– Граф Морлимер, – продолжал Мюрай. – Прошу руки вашей дочери.

– Я согласна! – выпалила Элиас.

– Элиас! – строго одернула ее Фелиция. – Леди не пристало так открыто выражать свои эмоции.

– Но, если я рада, почему должна скрывать это? – возмутилась дочь.

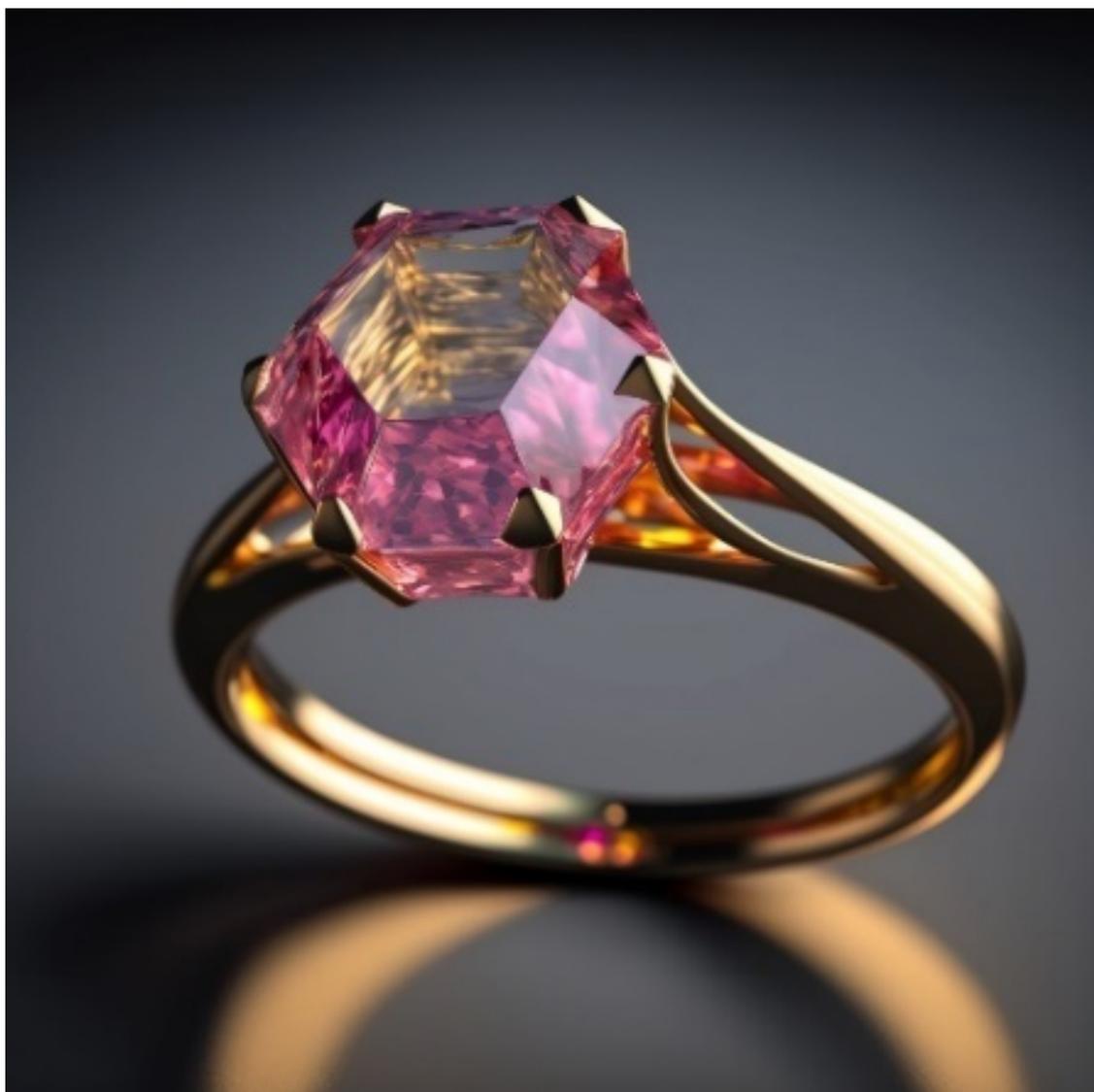
Франки громко рассмеялся.

– Предполагаю, отказ неприемлем, – сказал он. – Иначе моя дочурка, чего доброго, устроит голодную забастовку.

– Обещаю, что буду заботиться об Элиас, – шагнул Бартлетт к девушке.

– Позволь?

Он надел на ее пальчик колечко с розовым камушком.

Фелиция мысленно хмыкнула. – Не скупой. Колечко-то высшей пробы. В камнях она разбиралась и не сомневалась – на пальце ее дочери красуется самый настоящий розовый бриллиант.

– Вот вы где, – буквально ворвался в гостиную дома Морлимеров Рид Руссель.

Оглядел всех присутствующих, задержал взгляд на безымянном пальце Элиас.

– Рид, ты выглядишь взволнованным, – заметила Фелиция.

– Зашел попрощаться. Еду на юг. Король призвал меня присоединиться к войску, – ответил Руссель графине, но глядел при этом исключительно на Элиас.

– Вместе и отправимся, – спокойно произнес Барлетт.

– Рид, хорошо, что ты едешь с князем, – заметил Франки. – На его счету ни одной проигранной битвы. Так что ждем вашего скорого возвращения.

Но через три недели вернулся только Рид.

– Наш разведотряд попал в засаду. Не было ни единого шанса спастись. Тогда князь Барлетт Мюрай призвал на помощь аспидов. Он спас нас всех, но погиб сам. Мы все видели его гибель. Ничего нельзя было сделать.

Глава 2. Выбор

Бартлетт знал, каков настоящий облик аспидов. Довелось как-то увидеть своими глазами. Олицетворение ужаса и смерти, крылатые твари, похожие на змиев. Те, кто забирает мертвых и охотится на живых. Такими их знают все. Так их изображают на гравюрах, вырезают в камне и описывают на страницах книг. Но действительность оказалась иной.

В тот день, изменивший его дальнейшую судьбу, Бартлетт впервые осознал – то, что люди видят на поверхности, не означает правдивости, на самом деле вся сущность скрывается внутри, и мало кому удастся ее разглядеть.

Ему тогда исполнилось двадцать два, он служил в регулярной армии короля и мечтал отличиться на поле боя. На Королевство часто нападали, внешних врагов всегда хватало, и добыть славу отважным воинам не составляло труда.

– Барт, Джойс, пойдете с отрядом? – спросил капитан. – На окраину западного округа напали наши кровожадные соседи – каннибалы.

– Что, на своей земле корм закончился? – усмехнулся друг Бартлетта.

Они дружили с детских лет, и год назад вместе вступили в ряды королевского войска. Денег у обоих имелось в избытке, все земные удовольствия были им доступны, но друзья мечтали о славе, по неопытности романтизируя войну и сражения.

– Учти, Джойс, – откликнулся капитан. – Толстяков они съедают в первую очередь.

Вокруг засмеялись. Джойс тоже усмехнулся. Он страдал избыточным весом, к насмешкам в свой адрес по этому поводу давно привык и не обижался.

Конечно, парни присоединились к отряду более опытных вояк.

Неподалеку от места, где были замечены людоеды, землю сильно размыло из-за прошедших накануне дождей. Лошади могли увязнуть или угодить в скрытые водой ямы.

– Дальше идем на своих двоих, – распорядился капитан.

Шли спешно. Всем не терпелось разделаться с дикарями.

Среди многочисленных противников, эти являлись самыми ненавистными. Жестокие и вооруженные, казалось бы, примитивным оружием, каннибалы, тем не менее, зачастую выходили победителями в стычках и успевали съесть погибших до появления аспидов.

Людоеды предполагали, что с мясом убитого воина, они получают дополнительную силу.

Для павшего в бою, окончание земного пути в желудке дикаря означало лишение возможности переместиться за грань и начать жизнь небесную. Ведь аспиды не заберут его тела, не проведут за грань, а значит, душа погибшего навечно застрянет между мирами.

Такой участи не желали ни себе, ни товарищу, ни даже врагу.

Пока добирались, не переставая, отпускали шуточки. Бартлетт уже знал, если в ход идут сарказм и ирония, воины таким образом подбадривают себя перед нешуточной опасностью.

– Зажарю парочку дикарей себе на ужин, – весело сказал Трент, самый старший из их группы.

– Подавишься, – усмехнулся капитан.

– В семье каннибалов умершего родича воспринимают как кормильца, – сострил солдат с пышными усами.

Мужчины впервые оказались в одной группе, и Бартлетт не знал имени усача.

– Выражение «попробовать девушку на вкус» дикари воспринимают буквально, – продолжил эстафету однорукий Малкин.

Правую руку воин потерял не в сражении, а в пьяной драке, за что подвергался постоянным насмешкам. Малкин сумел доказать, что эффективно сражаться можно и одной левой конечностью.

– Плыл я как-то на корабле, – сообщил Джойс. – И наш корабль напоролся на риф. Мастеровой сказал – через час потонем. По прошествии двадцати минут рулевой закричал: «Земля!», а с берега в ответ донеслось: «Мясо!»

От смешков удержаться не смог никто. Но спросить Джойса, правдива ли его история не успели.

– Стоять! – насторожился капитан.

Воины замерли.

– Чуете?

Бартлетт понял, о чем спрашивает их старший. Ощутимо повеяло холодом.

– Аспиды? – тихо спросил Малкин.

– Похоже на то.

– Смотрите, лед, – указал Трент на поблескивающую чуть в стороне кромку и добавил:

– Придется не только с людоедами схватиться, но и с аспидами.

– Приготовить оружие, – отдал команду капитан. – Быстро и тихо за мной. На нашей стороне внезапность.

Бартлетт не боялся, молодая кровь кипела, адреналин зашкаливал. Он был сильным и выносливым. Вот прямо сейчас докажет, что чего-то стоит, будет безжалостно расправляться и с каннибалами, и с аспидами.

Но жизнь сурово обошлась и с ним, и со всем отрядом.

Как и планировал капитан, на поле, где шла драка, появились они внезапно.

Среди ярких желтых и сиреневых цветов валялись трупы. Убитые дикарями жители небольшой деревни, убитые аспидами каннибалы и совсем неожиданное – убитые людоедами аспиды.

– Разве можно убить аспида? – пробормотал усач, поравнявшись с князем.

Людоедов оказалось значительно больше, чем значилось в донесении. И вооружены они были гораздо серьезнее, чем предполагалось. Примерно семьдесят дикарей вели бой против десятка змиев.

Королевских воинов насчитывалось тридцать человек.

Наверное, аспиды появились, когда каннибалы убили местных жителей, – рассуждал Бартлетт, – хотели унести мертвых, но убийцы не пожелали расстаться с добычей и вступили в схватку с проводниками за грань.

Молодой князь вклинился в сечу, размахивая тяжелым мечом.

Чужеземцы дрались деревянными палками с шипованными набалдашниками и длинными, искривленными, зазубренными ножами. Еще у них имелись бутылки с какой-то ядерной начинкой внутри. Теперь стало понятно, как им удалось убить аспидов. При попадании в цель, бутылка разбивалась, и из нее вырывался огонь.

С таким оружием в Королевстве до сих пор не сталкивались.

– А они вовсе и не дикари, однако, – произнес свои последние слова в земной жизни старый вояка Трент.

Под ноги Бартлетту свалился усач. Взгляд уже не живой.

Воины убили многих каннибалов, но и погибли все. Последним из их отряда ушел капитан, будучи смертельно раненым, прихватил с собой на тот свет и парочку людоедов.

Только Бартлетт еще дышал. Лицо его горело от множественных порезов, оставленных зазубренным лезвием, обе ноги были перебиты, по всему телу тяжелые раны. Странно, он не чувствовал боли, только онемение. Наверное, шоковая реакция. Может, так и умрет до наступления адовой боли?

Джойс, порубленный на части своим же мечом, лежал далеко от него. Не посидеть нам в старости в пабе, не повспоминать молодые годы, – отрешенно подумал Бартлетт.

Среди затоптанных желтых и сиреневых цветов продолжали драться трое чужеземцев и два аспиды.

Бартлетт представил, как его тело пожирают каннибалы. Только не это! Встать на ноги он не мог, онемение начало уступать место мучительной боли. От такой боли хотелось выть, но он заставил себя приподняться на локтях и доползти до мертвого дикаря.

Рядом с убитым валялись две бутылки с незнакомой доселе огненной начинкой. Бартлетт взял одну. Целился в людоедов.

Бросок причинил дополнительные страдания израненному телу, но людской мишени достиг.

Огонь запылал на голой коже двоих недругов. Их собрат отвлекся, и аспиды не упустили шанса разодрать третьего дикаря.

Бартлетт мог бы изловчиться и бросить вторую бутылку в крылатых тварей. Но не стал. Пусть делают свою работу.

– Ты помог нам.

От боли князь плохо соображал и поначалу подумал, что видит перед собой ангела, только почему-то темного.

– Ты заслужил право жить дальше. Сегодня мы тебя с собой не заберем.

– Я уже не жилец, – прохрипел Бартлетт. Знал, что умирает. Минута – две, может быть, пять, и с ним будет покончено.

Существо дотронулось до его плеча черным крылом.

– Небесное воинство подождет, – произнес он загадочную фразу. – Если потребуется помощь, зови. Но помни, день, когда позовешь, станет для тебя последним на земле.

Бартлетт с интересом разглядывал...кого? Высокого юношу вовсе не с черными, а с темно-фиолетовыми крыльями за спиной.

Удивительное дело, боль унялась, и теперь он уже не думал, что умирает.

– Кого я должен позвать? И как смогу это сделать?

– Мое имя Авил. Я король аспидов, – юноша вдруг с силой сжал кисть Бартлетта. – Ты поймешь, как позвать меня.

Авил разжал его руку, на ладони князя отпечатался крылатый змий.

Дальше произошло еще более странное. Авил наклонялся над погибшими аспидами, что-то шептал, и те возвращались к жизни.

Выходит, их все же нельзя убить, – совсем не удивился данному обстоятельству Бартлетт. Аспиды забрали с собой всех мертвых.

Князь остался один посреди поля желтых и сиреневых цветов. Как будто и не было тут никакой схватки.

На следующий день у него состоялся разговор с королем.

– Остался жив, когда все мертвы. Страшные раны зарубцевались без лекарского вмешательства, – констатировал очевидное владыка. – Подозреваю, ты пережил ужасные минуты. Расскажи мне все, без утайки.

Король был стар. К своим годам завоевал репутацию жестокого и мудрого правителя, что позволяло ему твердо удерживать трон.

Бартлетт не видел смысла врать.

– Моему отцу служил человек, подобный тебе, – задумчиво произнес король после того, как, не перебивая, выслушал своего подданного. – Тоже с печатью Авила.

– Авила? – удивился Бартлетт. – Но мне он показался совсем юным.

– Тот человек тоже так говорил.

– Хотите сказать? – не окончил фразы, а король уже кивнул.

– Никто не знает, сколько ему лет.

Бартлетту припомнилось, как крепко сжало существо его кисть. Такую хватку не встретишь у юнцов.

– Аспиды последнее время ведут себя нагло, – продолжил король. – Вместо того, чтобы заниматься, чем им положено, нападают на живых людей. Будто мертвяков им не хватает.

– Зачем они это делают?

– Кто их знает? Может, какой-то свой небесный счет ведут. Или скучно им, вот и развлекаются, наводят страху на все Королевство. Твоя метка, она может помочь. Хочу предложить тебе стать охотником на аспидов. Будешь спасать невинные жертвы.

Так Бартлетт начал новую жизнь. Его личность обросла правдивыми и далекими от истины слухами. Слухи вкупе с новой внешностью создали вокруг него некую изоляцию. Бартлетта стали бояться, даже не имея на то причин.

Из родных никого не осталось, единственный друг погиб. Иногда князю казалось, что отныне лишь аспиды будут ему приятелями.

Змии не трогали его, видимо, действовала метка короля Авила. Но злились, что он отбирает у них добытые трофеи. Бартлетт иногда заговаривал с ними, в ответ те лишь шипели. Аспиды не умели говорить в змеином обличье. А перевоплощаться во вторую сущность не спешили. Не доверяли князю. А может, имелась и другая причина. Кто их разберет?

– Зачем нападаете? Довольствуйтесь мертвыми, – отдирали он от зубов или когтей очередного несчастного.

Бывало, аспиды лезли в драку с ним, и Бартлетту очень хотелось свернуть какому-нибудь крылатому шею, но он быстро отказывался от этой затеи.

– Все равно ведь не помрете, – отмахивался от них князь.

Для жителей Королевства все аспиды ничем не отличались друг от друга. Бартлетт же стал их различать. Как и среди людей, среди змиев не было ни одного похожего. Они различались строением морд, крыльев, разным оперением и чешуей. Глаза имели различную форму, правда, цвет радужки у всех одинаков – фиолетовый.

Как-то он спас от аспидов Элиас Морлимер. А через несколько лет вновь встретил девушку. И пропал. Как она сказала? – «На веки вечные». Так и есть, полюбил ее на веки вечные. С появлением в его жизни Элиас, все вокруг заиграло яркими красками, сама жизнь князя обрела смысл. Элиас. Элиас Морлимер. Элиас Мюрай.

Он думал о ней ежесекундно. Думал и в тот миг, когда его отряд попал в засаду.

Засаду хорошо организовали. Кто-то знал о пути следования разведотряда и успел подготовиться.

Король подозревал, что среди его приближенных завелся шпион и поручил Бартлетту появиться на приеме у Морлимеров.

– Есть наводка, что предатель тоже будет там. Узнай все, что можешь.

Бартлетт выяснил слишком мало, но зацепка все же имелась. Князь рассчитывал, у него есть время выяснить все до конца. Оказалось, ошибся.

Их окружили, выпустив в отряд залп стрел.

Бартлетт всегда действовал стремительно. Несколько секунд на оценку обстановки, еще несколько на принятие решения.

Сейчас расклад был таков – весь отряд погибнет. Все, кроме него. Или, наоборот, все останутся жить, а он уйдет за грань.

Хотелось бы выбрать вариант первый и остаться жить. Ведь теперь он знает, ради кого живет. Но как смотреть в глаза Элиас после такого? Как сказать родителям вот тех двух юнцов из отряда, что они попали в засаду по его вине? Парни так радовались, что идут в поход с самим Бартлеттом Мюраем. А как посмотреть в глаза жене Тавиана, весельчака, поделившегося с князем радостной новостью – у мужчины родился шестой ребенок и наконец-то сын.

И Рид Руссель тоже умрет. Парень, влюбленный в Элиас... в его Элиас. Бартлетт не мог не заметить, как граф Руссель смотрит на девушку. Рид кажется вполне приличным и не обидит ее.

– Прости меня, Элиас. Будь счастлива, – прошептал князь, с силой надавливая на метку короля Авила.

Глава 3. Ребенок

– Элиас, еще совсем немного. Ты должна постараться, – ласково и терпеливо увещевал доктор молодую графиню Руссель.

Измученная Элиас смотрела на эскулапа с отчаянием. Она и не предполагала, что рожать ребенка так тяжело.

Девушка не могла разродиться, никаких сил у нее больше не имелось. Оставалось только желание не загубить ребенка Бартлетта. Она должна, просто обязана сохранить жизнь крохе! Злость на саму себя и нахлынувший страх, что дитя умрет прежде, чем появится на свет, подтолкнули Элиас продолжать тужиться.

– Девочка! – торжественно объявил доктор. – Очаровательная девочка. Поздравляю вас, графиня.

Элиас слабо улыбнулась мужчине. Она хотела сразу взять дочку на руки. Но доктор лишь показал ей малышку.

– Не волнуйтесь, успеете еще приучить свое чадо к рукам. Мне надо зашить небольшой разрыв. Вы же не хотите занести инфекцию?

Элиас не хотела, и пока доктор приводил ее саму в порядок, наблюдала, как служанка обмывает и укутывает ребенка.

Неведомые ранее чувства расцветали в ее сердце, они не могли совсем вытеснить тоску и неослабевающую душевную боль, но робко поселялись где-то рядом.

Нежность, любовь к своему дитяти.

Она хотела, чтобы родился мальчик, чтобы стал похож на своего отца. Она непременно дала бы сыну имя Бартлетт, и только посмел бы кто возразить.

Но родилась девочка. И Элиас все равно была счастлива. Ведь это дочь князя Мюрая. И Рид об этом прекрасно осведомлен. И все равно женился на ней.

Восемь месяцев назад Элиас потеряла всякий интерес к жизни. Зачем ей жизнь без него? Мир, в котором нет Бартлетта, ей не был нужен.

Дочь Морлимеров не вставала с постели. Отказывалась есть, едва прикасалась к питью. Односложно отвечала на вопросы, сама ни с кем не заговаривала.

Ей было все равно, что происходит во внешнем мире, какая нынче погода и кто с кем поженится из соседей. Она переживала в своей голове счастливые минуты, проведенные с князем, и мечтала отправиться за грань вслед за ним.

Но неожиданные обстоятельства изменили ситуацию.

Родители, обеспокоенные состоянием дочери, обратились за квалифицированной помощью.

Прибывший врач осмотрел Элиас, попытался поговорить с девушкой, но, не добившись результата, спокойно произнес:

– Я могу помочь тайно принять роды и затем пристроить ребенка в хорошую семью. Никто не узнает, кто его мать.

– Ребенка?! – воскликнула, находившаяся в дочериной комнате, Фелиция.

– Ребенка? – потрясенно прошептала Элиас.

– А, так вы не в курсе, – понял мужчина свой промах, но слово уже вылетело. – Я-то подумал из-за этого весь сыр-бор. Иногда случается, незамужняя девушка из хорошей семьи, нежелательная беременность. Так как, нужна моя помощь в пристройстве?

– Никакого пристройства, – твердо ответила Элиас.

Она поднялась с постели, но покачнулась, слишком закружилась голова.

Доктор помог девушке присесть.

– Элиас, ты не можешь родить ребенка вне брака, – вернулось к Фелиции самообладание, на миг потерянное.

– Мама, я хочу есть, – сказала Элиас.

– Думаю, девочку стоит немедленно накормить, – вмешался доктор.

Фелиция и сама это понимала. Она поспешила лично отдать распоряжения на кухне, проследила за тем, чтобы дочери немедленно отнесли еду и отправилась обсуждать неожиданную проблему с мужем.

Фелиция сочувствовала Элиас в ее горе, но Бартлетт погиб, а пожениться они не успели. Теперь, если дочь родит ребенка не будучи замужем, от семьи Морлимеров отвернется весь свет. И о чем она только думала, падая в объятия князя? – досадовала женщина на свое неразумное чадо.

Элиас же думала лишь о том, что теперь ей есть ради кого жить, и она не позволит умереть еще не родившемуся малышу и никому не позволит забрать его. А на светские условности ей наплевать!

В тот же день к ней заглянула Илона.

– Ты очнулась. Я рада, – устроилась подруга в кресле-качалке.

Элиас решила пока не рассказывать о своей беременности. Не то чтобы девушка не доверяла Илоне, но та могла выболтать Хендрику, а тот, в свою очередь, еще кому-нибудь.

– А я к тебе с новостями, – сообщила Илона. – Разговор один интересный услышала. К папе человек приходил, военный. Из отряда твоего князя. Так вот, этот человек сказал, когда они на юг бить вторженцев отправились, засаду на них ловко устроили, будто специально именно отряд Мюрая поджидали.

– То есть действовал шпион? – разволновалась Элиас.

– Гость моего отца так предполагает. Считает, что кто-то сдал их маршрут.

– Клянусь, Бартлетт, я найду того, кто подстроил засаду. И добьюсь, чтобы предатель понес заслуженное наказание, – вслух произнесла Элиас, когда осталась одна и укрылась от посторонних глаз в летней беседке, где была так счастлива однажды.

Взяться за расследование немедленно не получилось. Пришлось отложить из-за одолевшего Элиас недомогания. Девушку постоянно рвало и мучило. Стала болеть спина, да так сильно, что она вообще не могла найти удобного положения для сна. Так почти и не спала ночами.

Еще ей пришлось выдержать трудный разговор с родителями.

– Элиас, – приступила к деликатной теме Фелиция. – Мы с папой считаем, надо принять предложение доктора. Ты родишь тайно и отдашь ребенка.

– Ни за что, – заявила строптивница. – Мама, ты в броне светских условностей. Мне все равно, что будут болтать люди.

– Милая, – мягко произнес Франки, – просто мы смотрим наперед и желаем тебе лишь счастья. А в создавшейся ситуации не видим другого выхода, как скрыть рождение этого ребенка.

– Нет, нет и нет! – стояла на своем девушка.

– Ты не понимаешь, – уже более жестко сказала Фелиция. – Наш король строгих правил и чтит закон морали. Как только до него дойдет новость, что девица Морлимеров согрешила, он лишит твоего отца должности. Заметь, весьма хорошей должности. И доходной. Из-за твоего сумасбродства, мы все останемся без гроша.

О таком Элиас как-то не подумала. Папа смотрел на нее с грустью, и до нее дошло, сказанное Фелицией, правда. Из-за ее строптивости вся семья может лишиться привычных привилегий. В то же время, при упоминании имени короля, Элиас пришла в голову одна идея.

– Я лично отправлюсь к королю, – решительно заявила она. – Признаюсь, что ношу ребенка князя Бартлетта Мюрая. Уверена, король скорбит о смерти своего подданного и обрадуется, что у князя вскоре родится наследник.

– Вряд ли, – не поддержал энтузиазма дочери Франки. – Король никому не доверяет. Он может подумать, что ты просто прикрываешься именем погибшего, чтобы скрыть свой позор. Владыка не поверит тебе, еще и в темницу упечет за клевету.

Элиас металась в своей комнате, не зная, как поступить. Она не может отдать ребенка. Не может. Но в словах родителей имелся свой резон. А что, если скрыться? Убежать от всего света? Но куда? Папа с мамой не смирятся с исчезновением дочери, объявят в розыск. И графиню найдут либо королевские охотники, либо выдадут местные жители, соблаздившись объявленной наградой. Остается чужбина.

Элиас всерьез начала обдумывать план побега, но бежать ей не довелось. Щекотливую ситуацию спас граф Рид Руссель.

– Элиас, – с несвойственной ей поспешностью появилась как-то в комнате дочери Фелиция. – Граф Руссель попросил твоей руки. Он прямо сейчас обсуждает с Франки детали свадьбы.

Впервые видела Элиас свою чопорную маму в таком взбудораженном состоянии. Невежливо, но ленты на шляпке Фелиции болтались незавязанными, а на лице отражались эмоции!

– Мама, вы ведь сказали ему правду?

– Нет, милая. Думаю, не стоит.

– Не стоит? – разозлилась Элиас. – Не желаю обманывать Рида!

Девушка поспешила в отцовский кабинет.

Никакой женской хитрости нет у этой девчонки, – сокрушалась Фелиция.

– Элиас, не в твоём положении проявлять строптивость, – пыталась остановить она дочку. – Это твой единственный шанс. Наш шанс.

– Мама! Не такой ценой, – пресекла Элиас дальнейшие споры и решительно открыла дверь кабинета любимого папочки.

Она собиралась сразу выпалить Риду правду, но отец остановил ее порыв.

– Элиас, граф Руссель все знает.

– Знает? – обомлела Фелиция. Она зашла вслед за дочерью и после слов мужа тяжело опустилась в кресло.

– Я рассказал, – признался Франки. – Не сомневался, что сейчас сюда ворвется Элиас и выложит все, как на духу, – улыбнулся он.

– Рид, прости, – посмотрела на гостя Элиас.

Они давно знали друг друга. Их родители были дружны и, естественно, дети не могли не познакомиться. Рид Руссель считался в округе красивым мужчиной и завидным женихом. Густые темные волосы, такие же брови, выразительные глаза, правильные черты лица. Хорошо сложенная фигура, военная выправка. Всегда вежливый, спокойный и деликатный.

И он так долго ухаживал за ней. И Элиас не собиралась обманывать его. Она знала, что выглядит сейчас не лучшим образом. Помимо душевных мук по умершему возлюбленному, красоту и силы отбирала беременность. Наверное, Рид презирает ее, наверное, она ему противна сейчас и морально, и внешне, – думала Элиас.

– Граф Руссель, надеюсь, вы никому не расскажете? – дрогнувшим голосом спросила Фелиция. При этом глядела женщина с укором на своего мужа.

– Не расскажу, – пообещал Рид. – Все будут думать, что Элиас беременна от меня. А во избежание кривотолков, предлагаю сыграть свадьбу как можно быстрее.

Элиас не могла поверить. Она не ослышалась?

Видимо, ее мать подумала о том же.

– Граф, вы готовы жениться на Элиас? – с радостным удивлением спросила Фелиция. – Несмотря на такие обстоятельства?

– Готов, – подтвердил Рид.

Он смотрел исключительно на Элиас. Вообще не отводил от нее взгляда.

Девушке стало неудобно. Почему он хочет жениться на ней? Из-за приданого? Но в округе достаточно богатых, красивых невест и не беременных чужим ребенком. Да и сам Руссель богат. Он явно женится не на деньгах. Или он любит ее так же сильно, как сама она любит Бартлетта? – вдруг пришло Элиас в голову. Тогда его поступок можно объяснить. Она ведь сама прекрасно знала, что такое слепая любовь. Но все же... Все же ее беспокоила необыкновенная благородность графа.

Когда Элиас родила девочку, то сильно боялась, что Рид возненавидит ее дочь. Потому с опаской взглянула на мужа. Доктор разрешил войти ему.

Малышка уже поела и теперь спала на руках у мамы. Девочка казалась такой крохотной, выглядела так трогательно. Элиас все глядела и глядела на нее, не веря, что это она произвела на свет такое чудо.

– Как ты себя чувствуешь? – первым делом спросил муж.

– Сейчас уже лучше.

– Я переживал, – погладил он ее по голове. – Ты сильно кричала.

– Тебе следовало уйти из дома, пока я рожала.

– Я не мог оставить тебя, – сознался Рид.

Он перевел взгляд на малышку. Улыбнулся.

Элиас внимательно следила за ним. Улыбка вышла доброй, теплой, никакого отвращения или брезгливости на мужнем лице она не заметила. Мужчина аккуратно дотронулся до щеки девочки.

– Как ты назовешь ее?

– Заряна, – не задумываясь, ответила Элиас.

Элиас, вечерняя заря занимается, – погладил Бартлетт ее разметавшиеся волосы. – Скоро вернутся твои родители.

Она так часто воспроизводила ту сцену в своих мыслях, вспоминала его слова, что имя Заряна для их дочери сложилось само собой.

После свадьбы Элиас переехала в дом Рида. На земле графов Руссель на незначительном расстоянии друг от друга расположились два усадебных дома. В одном, что побольше, проживали родители Рида. Второй отстроили специально для будущей семьи сына, куда они и въехали. Элиас понравилось, что дом не огромный. Здесь все было новым и светлым.

Поначалу Элиас не знала, как строить общение с собственным мужем, как вести себя. Еще и беременность переносилась ею тяжело. Как бы она того не хотела, но большую часть времени была вынуждена проводить в постели.

Рид каждое утро отправлялся на крупном белоснежном жеребце на службу. А вечерами возвращался с подарками. Он привозил Элиас экзотические фрукты, дарил украшения, цветные ленты для волос. А однажды привез домашние туфли, сшитые на заказ.

– У тебя ноги сильно отекли. Я вижу, тебе тяжело ходить. Сапожник сказал, делает такие туфли специально для беременных женщин.

Обувь оказалась настолько удобной, что в следующий раз Рид привез ей такие же туфли, только уличные.

Он проявлял заботу. Элиас не могла этого не замечать, она искренне хотела полюбить Рида.

Как-то она попросила его:

– Рид, расскажи, как погиб князь.

Удивительно, но она до сих пор этого не знала. Так больно было думать о его гибели. Стоило только представить, сердце сжималось и дышать становилось трудно.

– Он призвал аспидов, – немного помолчав, ответил Рид. – Аспидов было так много, что они закрыли собою небо. Те, кто поджидал нас в засаде, испугались. Видимо, решили, будто мы все умеем призывать змиев. Они бежали. Но аспиды нагоняли их и раздирали на куски. А затем... затем забрали и Бартлетта.

– Князь не сопротивлялся? Не дал отпора?

– Это было бесполезно. Элиас, меня до сих пор пробирает, когда я вспоминаю легион аспидов. И у всех фиолетовые крылья. Я ведь живых аспидов раньше не видел. Думал, приукрашивают. А оказывается, крылья действительно фиолетовые. Они могли убить нас всех. Но забрали лишь князя. Такова оказалась плата за помощь.

Рид поднялся с кресла, на котором сидел, и подошел к Элиас. Стер дорожку слез с ее лица.

– Не плачь.

В отсутствие Рида ее часто навещала его мама. Лилиан. Милая, миниатюрная женщина. Она так радовалась, что скоро станет бабушкой. Всячески поддерживала невестку. Элиас стыдилась обманывать ее. Но тут уж приходилось молчать.

Навещала ее в новом доме и Илона. Встречаться подругам стало проще, чем раньше, так как владения графов Руссель граничили с землями семьи Ирвинов.

– Илона, скажи, Хендрик участвовал в том походе на юг, где погиб князь Мюрай? – осторожно задала вопрос Элиас.

– Участвовал. А ты почему спрашиваешь? – подозрительно спросила подруга.

– Хочу выяснить, кто предатель.

– Элиас, у тебя любящий муж, ты вот-вот родишь. Оставь это. Твое любопытство может оказаться опасным.

– Я не могу, Илона, – тихо сказала Элиас, покручивая на своем пальчике колечко с розовым бриллиантом. – Я никогда не успокоюсь. И буду искать ту тварь, кто предал Бартлетта. Пожалуйста, расспроси Хендрика, что он видел, слышал, что думает.

– Хорошо, – недовольно буркнула Илона. – Но лучше бы ты свое внимание направила на мужа, а не горевала по умершему.

Элиас не могла объяснить подруге, что полюбила князя раз и навсегда, что как бы ни была она благодарна Риду, ее сердце всегда будет принадлежать Бартлетту.

– А как вообще у тебя с Хендриком? – сменила Элиас тему. – Судя по тому, что он опять появляется в доме Ирвинов, ты простила ему танцы с Калиной Вьен?

– Хендрик утверждает, что Калина на том приеме сама прицепилась к нему.

– И не отлипала от него всю ночь?

– Ну, если бы я своими глазами не видела, как ты пригласила на танец Мюрая и затем не отлипала от него всю ночь, то словам Хендрика вряд ли поверила, – усмехнулась Илона.

Элиас рассмеялась. Действительно, удачное сравнение. Если сама Элиас в ту ночь проявила активность по отношению к мужчине, то почему, то же самое не могла проделать Калина.

– Выходит, он все-таки предпочел Калине тебя, – порадовалась Элиас за подружку.

– Или Калина дала ему отставку, – не витала в розовых облаках Илона.

– Когда ребенок родится, Лилиан хочет устроить бал-маскарад по такому случаю, – сообщила Элиас. – Ты придешь?

– Конечно, – обрадовалась Илона. Семья Ирвинов разбогатела на торговых сделках, могла позволить себе хороший дом, выезд, но не имела титулов, оттого девушку не так часто приглашали на светские мероприятия.

– Тогда захвати с собой карнавальную маску. Под конец бала всех будут разоблачать.

Полугодовалая Заряна спала в своей люльке. Рядом в плетеном кресле устроилась няня. Женщина собирала браслет из бисера, не забывая следить за спящей девочкой. Подтыкала сбившееся одеяльце, поправляла чепчик, меняла пеленочки. Музыка в детское крыло доходила приглушенно и не мешала сну маленькой графинюшки.

А в большом зале для приемов, обустроенном на первом этаже дома старших графов Руссель, шел веселый бал-маскарад. Гости много шутили, танцевали, играли в карты и, следуя предписанию, не снимали с лица масок.

– Вы, кажется, интересуетесь последним походом князя Бартлетта Мюрая?

Элиас вздрогнула, попыталась рассмотреть того, кто прятался за широкой маской из фетра. Мужчина пригласил ее на танец. Ощущалось в нем что-то неуловимо знакомое. Но длинный зеленый балахон скрывал фигуру. А маска не давала возможности разглядеть лицо.

– У вас есть какая-то информация? – нетерпеливо спросила Элиас.

– Тот, кого ты ищешь, совсем рядом.

– Кто это? О ком вы говорите?

Незнакомец наклонился к ее уху.

– Я говорю о твоём муже, Элиас, – прошептал он.

Глава 4. Пограничный мир

Бартлетт замерз. И эта естественная реакция тела на смену температуры воздуха вывела его из бессознательного состояния. Мужчина открыл глаза. Ярко-белый свет заставил зажмуриться.

Прислушался. Стук сердца? Его сердца. Он что, не умер? Точно помнил, как призвал Авилу. И точно знал, что за этим последует.

– Я не умер? – спросил уже вслух.

– Для внешнего мира умер, – ответили ему. – Но на самом деле ты еще жив.

На этот раз осторожно, без резких движений, Мюрай открыл глаза. Поморгал. Хлопья белого снега сыпали с неба – вот откуда столько света.

Он лежал на земле, заметенной снегом. Над ним склонились люди. Мужчины. Девять человек. Все – невероятные здоровяки. Князь считал, что у него хорошо развита мускулатура. Но эти парни однозначно превосходили его в физической подготовке. И, похоже, в отличие от Бартлетта, холод их не беспокоил. Иначе как объяснить, что одеты незнакомцы по большей части в майки, жилеты, легкие штаны. Лишь сапоги у всех высокие, с толстой подошвой.

– Ты скоро привыкнешь и тоже перестанешь мерзнуть.

Мюрай слышал этот голос всего однажды, пять лет назад, но все равно узнал.

– Авил?

Мужчины, склонившиеся над Бартлеттом, расступились, давая дорогу высокому юноше с темно-фиолетовыми крыльями.

– Вот и встретились князь, – протянул Авил ему руку, помогая подняться с земли.

– Я перестану мерзнуть, когда окончательно умру?

Вокруг засмеялись. Авил тоже позволил себе улыбку.

– Бартлетт, ты живее всех живых. Твоему организму требуется время, чтобы привыкнуть к здешнему климату. Обычно на это уходит до трех часов.

– Пока этого не произошло, могу я получить теплую одежду?

Мюрай очень хотел узнать, что происходит, но еще больше хотел согреться.

Король аспидов едва взмахнул крылом, и еще один юноша с фиолетовыми крыльями передал князю теплый бушлат и меховую шапку.

Элиас так хотела когда-нибудь увидеть снег и лед, – грустно подумалось Бартлетту. – Здесь, пока непонятно где, и того, и другого в избытке. Он дотронулся до подвески на шее. Кожаный шнурок с синим камнем, подарок Элиас, никуда не делся, не потерялся.

– Что это за место? – спросил он.

– Пограничный мир. И теперь – это твой дом.

– Пограничный мир? – переспросил Бартлетт. – Никогда не слышал о таком.

– А люди о нем и не знают, – просветил Авил. – Это мир между небом и землей. Граница, на которой небесное воинство удерживает мертвецов, желающих вернуться в мир живых.

– Небесное воинство? Кто это?

– Этих ребят ты видишь перед собой, – кивнул король на здоровяков. – И теперь – ты один из них.

– Идем, Барт, в таверну, – пригласил его самый крупный и самый возрастной мужчина. – Поешь, выпьешь, согреешься. Мы тебе все и растолкуем. Меня, кстати, Хортег зовут. Я капитан отряда небесного воинства.

Он протянул князю руку, и Бартлетт пожал ее.

Хортег выглядел невероятно колоритно.

Абсолютно седые волосы возвышались высоким гребнем над выбритым по бокам черепом. На лбу железная пластина в виде сердца. Такие же пластины, только в форме молний,

пересекали брови и скулы. Правый глаз отсутствовал. Вместо него стекло. И орудие за спиной, незнакомое Бартлетту, напоминало деревянный зазубренный меч.

Мюрай обернулся на Авила.

– Иди, князь, – кивнул аспид. – У нас еще будет время поговорить.

– Значит, здесь есть таверна? – принаравливался Бартлетт к широкому шагу капитана и снежной поверхности под ногами.

Остальная команда следовала позади.

– В пограничном мире много чего есть, – дружелюбно ответил Хортег. – Только вернуться на землю возможности нет. Так-то.

– Знаешь, Барт, мы ведь давно тебя ждем, – добавил он. – Пять лет назад погиб один из нас. Ты должен был встать на его место. Но Авил сказал, ты придешь позже.

Вокруг поднялась настоящая вьюга. Метель швыряла снег и мелкие льдинки в лицо. Вести разговор стало затруднительно. И Бартлетт решил оставить свои вопросы до таверны.

Пока шли, несмотря на плохую видимость, он всматривался в окрестности. Одноэтажные дома вдоль дороги. Из чего построены пока не понять. Ни одного дерева, куста. Или они скрыты снежной пеленой?

Навстречу неожиданно вынырнул отряд из таких же атлетов, как Хортег со своей командой.

– Барт? – спросил один из них, глядя на Хортега.

Капитан кивнул.

Мужчины разошлись своими дорогами. Бартлетт посчитал. Во встречном отряде было десять человек.

– Небесное воинство большое, – решил пояснить ему Хортег. Он почти кричал, чтобы Мюрай мог его слышать сквозь завывания вьюги. – Воинство делится на отряды по десять человек. Каждый дежурит посменно на своем участке границы.

– Люди? – удивился князь, когда вся их группа зашла в таверну.

Он был изумлен по-настоящему. Мало того, что таверна оказалась именно таверной – с вывеской, камином, столами, лавками и кухней, здесь за кружками с хмелем и тарелками с супом обосновались самые обычные люди – женщины и мужчины.

– Я же тебе говорил, в пограничном мире много чего есть, – подмигнул ему Хортег.

Бартлетт не успел расспросить, откуда в пограничном мире взялись люди, перед ними вырос, судя по гостеприимному виду, хозяин заведения.

– Капитан, – расшаркался он. – Ваш столик свободен. Как всегда?

– Да, – отозвался Хортег. – И, Колмен, накорми нашего нового друга Бартлетта.

– Рад знакомству, – слегка поклонился Колмен князю. – Надеюсь, вам понравится наша кухня.

Мюрай совсем не прочь был подкрепиться. И это земное желание еще больше утверждало его в мысли, что он все-таки жив.

Отряд разместился за длинным столом вдоль одной из стен, обшитой металлическими пластинами. Бартлетт снял бушлат и шапку и пристроил одежду на специальную стойку, куда остальные сложили свое разнообразное оружие.

Пока две женщины споро накрывали на стол, воины из отряда представились князю.

– Роргов, – назвался коротко стриженный приземистый мужчина лет тридцати.

Вообще, за исключением Хортега, все они выглядели примерно ровесниками Бартлетта, не старше тридцати пяти.

– Гервей, – пожал ему руку зеленоглазый блондин с заплетенными в косу волосами.

– Лузус, – улыбнулся конопатый парень. Улыбка вышла кривой. Половину лица Лузуса пересекал уродливый шрам.

Князь Мюрай подумал, что в пограничном мире никто не опустит глаз при виде его лица. Здесь рубцы от шрамов имелись у каждого. Некоторые закрывали их железными пластинами,

как Хортег, некоторые прятали под татуировками, как Гервей. Или оставляли как есть, по примеру Лузуса.

– Брозгет, – дошла очередь до темноволосого и черноглазого великана.

– Хоаши.

Не было никаких сомнений, что Брозгет и Хоаши братья-близнецы.

– Гарнет, – назвал свое имя бородач с лысым черепом. Краснокирпичная борода подсказывала, какого цвета будет его шевелюра, если он ее отпустит.

Вслед за Гарнетом, руку для пожатия протянул круглолицый парень, но имени своего не назвал.

– Куэйл немой, – пояснил капитан Хортег.

– Я Джос, – представился последний из отряда.

– Джос твой напарник, – посчитал нужным сообщить капитан.

Бартлетт пригляделся к высокому и длинноволосому Джосу. Что это, судьба? Его единственного друга из прошлой жизни звали Джойс, или попросту Джос. Его погибшего друга. Этот Джос не имел ничего общего с тем Джосом. Перед ним, безусловно, совсем другой человек. Незнакомец. Но, возможно, из-за имени, Бартлетт сразу проникся к нему симпатией. Суровое и недоброе лицо этого Джоса ассоциировалось с обликом свирепого зверя. А темный цвет волос еще более добавлял сходства с отрядом хищных. На его лбу и груди красовались железные пластины.

– Так вы из тех, кто удерживает мертвецов? – спросил князь, совсем пока не понимая, что это может значить.

– Видишь ли, Барт, – отпил Хортег немного хмеля из пузатой кружки. – Мертвые не желают мириться со своей участью и ищут дорогу домой.

– А разве мертвец может вернуться?

– Если его не перехватим мы или аспиды – вернется, – кивнул Хортег. – Только вид у него при этом будет жути, а не человека. Представь, спит в своей постели прекрасная вдовушка, а тут в окно скребется ночной кошмар. И даже, если вдовушка через ужасные струпья и рваную кожу узнает супруга и согласится впустить его, знаешь, что сделает мертвец?

– Что? – пытался представить себе Бартлетт ходячий труп.

– Сожрет свою милую женушку. Причем в сыром виде. А вслед за ней и детишек, и всех, до кого успеет добраться, пока за ним не пожалуют аспиды.

Бартлетт слышал, что в Королевстве периодически находили обглоданных людей. Но все думали, это дело рук каннибалов. Оказывается, вовсе нет.

– То есть после смерти человек превращается в тварь?

– Только когда соприкасается с границей миров, – ответил князю зеленоглазый красавчик Гервей.

Бартлетт обратил внимание, как одна из подавальщиц призывно смотрит на блондина, и тот что-то шепнул ей. А князь вдруг узнал эту женщину. Лора! Служанка, что была с Элиас в день, когда на девушек напали аспиды.

Он собрался заговорить с Лорой, но вовремя вспомнил, что она его не видела тогда, ведь к той минуте, как Бартлетт подоспел к оврагу и спас Элиас, служанка была уже мертва. Князь отвел от повзрослевшей Лоры взгляд и вернулся к разговору за столом.

– Все мертвые пытаются вернуться? Все без исключения? – с отвращением вообразил Мюрай, как однажды сам превратится в такую тварь, стремящуюся назад на землю.

– Нет, конечно, – успокоил его капитан. – Говорят, тем, кто помер, на небе хорошо. Они там с родными встречаются и проживают уже жизнь вечную. Но есть такие маетные души, никак успокоиться не могут, вот и лезут.

– Только не ведают они – небесное воинство ждет голубчиков, – усмехнулся бородач с лысым черепом Гарнет, поднимая наполненную хмелем емкость.

– За небесное воинство, – дружно поддержали его товарищи.

Напиток и еда Бартлетту понравились. Без изысков, но вкусно, сытно. И оплачивать стол не требовалось.

– В этом мире нет денежных расчетов, – пояснил ему Хортег. – Нет бедных и богатых. Но тратятся все. На благо друг друга.

Трапеза была окончена, мужчины засобирались. Разбирали оружие, перекидывались шуточками с посетителями таверны и заказывали подавальщице собрать кое-какую еду с собой.

На этот раз женщина у их стола крутилась одна. Лоры, что кокетничала с Гервеем, Бартлетт не увидел. Как не увидел и самого блондина.

Пока они сидели в таверне, вьюга улеглась, и князь смог рассмотреть пейзаж получше. Деревья все же есть, в основном с толстой кроной и необъятными стволами. Одноэтажные и двухэтажные дома представляли из себя металлические конструкции, закрепленные на высоких стальных опорах-столбах. Столбы высотой метра два, – прикинул князь.

Бартлетт догадался, почему дома стоят не на фундаменте, а на сваях. Без опор вход в помещение попросту занесет снегом.

– Одноэтажки для обывателей. Двухэтажные дома занимает воинство, – указал Хортег на цепочку двухэтажных блоков, куда отряд держал путь. – Строят тут перпендикулярно к преобладающему направлению ветра. Так что снег наметает позади жилья.

– А как с таким количеством снега справляетесь? – заинтересовался князь. – Я правильно понимаю, если он не будет таять, снежная поверхность начнет подниматься и никакие сваи не помогут?

– Верно, – уважительно глянул на него капитан. – Разгрести каждый день приходится.

– Лучше любой зарядки, – ввернул Роргов.

Бартлетт еще, когда они сидели в таверне, предположил, что медлительный с виду Роргов, является правой рукой капитана. Так и оказалось.

– На самом деле в пограничный мир каждые три месяца приходит изнуряющая жара. Здесь не бывает иной температуры, кроме как жуткий холод или жуткое пекло. Так-то, – разъяснил Хортег.

– Выходит, здесь обитают все-таки не совсем люди? Какой обычный человек выдержит минусовую и плюсовую температуру несовместимую с жизнью?

– Однажды мы все умерли, – просто сказал капитан. – Но аспиды дали нам вторую жизнь.

– А им это зачем? – не понимал Мюрай.

– Аспиды не справятся с теми, кто стремится покинуть небеса, они не могут убить уже мертвого, – ответил Роргов.

– А небесные воины могут, – добавил капитан.

– Хорошо. А откуда тогда взялись хозяин таверны, подавальщицы и прочий обычный люд? – пытался увязать одно с другим князь.

– Должен же кто-то обеспечивать наш быт, – остановился Хортег у комплекса из десяти двухэтажных домиков, соединенных между собой мостами-коридорами. – А как среди земных жителей аспиды отбирают тех, кто попадет в пограничный мир, ты лучше у Авила спроси. В общем, мы пришли. Твой дом – третий по счету. Будешь делить его с Джосом.

Бартлетт с большим интересом рассматривал жилой комплекс. В Королевстве он жил в своей усадьбе, напоминающей замок. В усадьбе, куда он так и не привел Элиас, – с горечью подумал князь.

Дом, в котором ему предстояло жить сейчас, да еще делить его с другим человеком, фасадом больше напоминал жилище для слуг. Был обшит металлическими панелями. Добротно так обшит, с целью не разлетаться под напором снежных ветров. Стоял на опорах из нержавеющей стали. А для того, чтобы попасть к входной двери, надо сначала преодолеть длинный лестничный пролет.

Прежде чем подняться по нему, князь услышал напутствие от Хортега.

– Отдохни хорошенько, Барт. Осмотрись. Через сутки наша смена стеречь мертвяков.

– Надеюсь, ничего не имеешь против второго этажа? – спросил его Джос, когда они остались вдвоем. – Я на первом обитаю.

– Мне без разницы.

– Ты, наверное, к другим условиям привык, да? – понял настроение князя Джос.

– Ничего, отвыкну, – нисколько не сомневался в своих словах Бартлетт. – Да и не так уж плохо тут.

– Это точно, – улыбнулся Джос.

Увидеть на суровом лице улыбку, стало для Бартлетта неожиданностью. Он подумал, что с напарником они подружатся. Будет здорово, если в его жизни опять появится друг.

– В каждом блоке по две спальни, – принялся показывать и комментировать Джос. – На первом и втором этажах. Небольшая кухня в пристройке. Но есть общая столовая в переходе между пятым и шестым домами. А между четвертым и пятым находится баня. Библиотека посередине меж первым и вторым. В комплексе имеется тренировочный зал. Но он маловат. Мы чаще занимаемся на общей для всех отрядов тренировочной базе.

– Кухня, столовая? И кто готовит?

Бартлетт раньше никогда сам не кашеварил.

– Немой Куэйл или бабы, которых на ночь приводят.

Бабы. Значит, Бартлетту не показалось насчет блондина и Лоры.

Джос будто мысли его прочитал.

– Нам в этом плане с соседством не очень повезло. В четвертом доме базируется Гервей. Не может он без женского полу. А слушать... сам понимаешь.

– И на каком этаже его апартаменты? – с подозрением спросил князь.

– На втором, – ухмыльнулся Джос.

Бартлетт рассмеялся.

– Понятно теперь, отчего ты спать на первом этаже предпочитаешь.

Они еще немного поболтали и разошлись устраиваться на ночь. Бартлетт поднялся к себе по винтообразной лестнице.

Окно с темными шторами. У окна кровать. Вполне широкая. Комод, круглый стол, удобное кресло, одежная стойка, часть стены приспособлена для хранения оружия, которого у Мюрая пока не было.

– Что ж, это лучше, чем превратиться в жуть и прорываться на землю, – вслух сказал князь, расстилая постель.

Ведь он мог умереть по-настоящему и точно попробовал бы вернуться к Элиас. И тогда... Князя передернуло от отвращения к самому себе. Он стал бы живым мертвецом, ночным кошмаром и мог убить любимую девушку.

Бартлетт долго не засыпал, думал обо всем, что с ним приключилось. А больше всего об Элиас. Положил ладонь на синий камень.

– Это камень заступничества, – сказала она, надевая на его шею кожаный шнурок с камнем-подвеской. – Высшие силы заступятся за тебя в битве, и ты вернешься ко мне живым и невредимым.

Можно сказать, – горько улыбнулся князь, – подвеска Элиас действительно помогла. Он остался живым и невредимым. Только к ней никогда больше не вернется. Грустит ли она о нем? Будет ли помнить его?

Он слышал, как внизу какое-то время расхаживал Джос, потом затих. Слышал, как вернулся Гервей. Хорошо, что один.

К посторонним звукам ему еще предстоит привыкнуть, как и к этой тесной комнатке.

Князь мысленно пожелал Элиас счастья и наконец-то заснул.

Проснулся он от громкого смеха. Смеялись на улице.

Из приоткрытого окна тянуло морозным воздухом. Бартлетт помнил, что ночью ему стало жарко, он вставал, чтобы открыть окно. И сейчас холода не ощущал, наоборот, приятную свежесть.

Выглянул наружу.

Небесное воинство, все девять человек, орудовали лопатами. Чистили снег и подкалывали друг друга.

– Эй, Гервей! – зычно крикнул Хортег. – Ты не забыл, что сегодня твоя очередь мыть за всеми посуду?

– Не забыл, – откликнулся блондин. Сегодня его длинные волосы были убраны в хвост, а не в косу.

– А что не помыл после завтрака? Сразу мыть ведь легче, чем потом отскрести.

– Настоящие мужчины трудностей не боятся, – заявил Гервей.

Все засмеялись, а Бартлетт ухмыльнулся. Ему определенно нравились эти ребята.

– Барт! – заметил его Хортег. – Спускайся!

– Бушлат с шапкой можешь не брать, – добавил Роргов. – Сегодня не замерзнешь.

Князь наспех умылся, на ходу съел ломоть хлеба, оставленный на столе Джосом и вышел на улицу в одной рубахе.

Чудеса. Кругом снег, лед, а холода он не чувствует. На всякий случай прижал руку к сердцу. Бьется. Все-таки не умер.

– Держи, – выдал ему Джос лопату.

В пограничном мире мне всегда найдется занятие, – подумал Бартлетт. – Можно целый день чистить снег.

– Тебя Авил сегодня к себе приглашает, – через некоторое время сказал капитан.

– А где он живет?

– У аспидов дома в скалах. Король тоже там обитает.

– Как мне найти дорогу?

– Авил пришлет за тобой своего посланца.

– Вы с аспидами ладите? – решил уточнить Бартлетт.

– Разногласия бывают, конечно, – признал Хортег. – Но все мы тут в одной лодке. Так что, по большей части, живем мирно.

Посланец прибыл за князем ближе к полудню. Аспид не пожелал обращаться в человека, и Мюрай просто шел за летящим змием, стараясь не терять его из виду. Правда, в какой-то миг небо потемнело, повалил снег и поднялась метель. Тогда аспид соизволил спуститься к князю в облике крылатого юноши и потопал рядом с ним.

Идти оказалось довольно-таки далеко. Но усталости князь не ощущал. Он и раньше отличался завидной силой и выносливостью, а сейчас – будто напился дополнительной силой.

Скалы увидел издалека. Из-за множества фиолетовых крыльев горная гряда смотрелась персонажем из сказки.

– Поднимайся по лестнице до последнего уровня, – указал Бартлетту провожатый на металлическую лестницу, тянущуюся от подножия горы и теряющуюся где-то в снежном буране.

Лестница была обледенелой.

Выжить после смерти, чтобы свалиться с лестницы, – хмыкнул Мюрай.

Но ничего, не свалился. Карабкался и карабкался, пока перед самым его носом не возник король аспидов.

– Ты вовремя, – пропустил Авил князя в пещеру.

Хотя пещерой сии хоромы Бартлетт назвать не решился бы. Все тут было обставлено по королевски. Даже трон имелся. Никаких дверей или окон. Лишь большой, ничем неприкрытый проем, куда, странное дело, не залетал снег.

– Проходи. Будем обедать.

Авил отдернул гобелен на стене и пропустил князя в открывшийся коридор.

Коридор привел в круглое пещерное помещение, очевидно, призванное выполнять функции столовой.

Бартлетту понравилась золотистая расцветка, нанесенная на скальные стены, понравился искусно сервированный стол. Изысканная посуда, разнообразные блюда. Ничего общего с таверной, где он повстречал Лору.

– Ты, наверное, проголодался? – спросил Авил.

– Умираю, как есть хочу, – признался князь. – Я слишком долго шел к тебе, а потом еще карабкался по обледенелой лестнице. Думал, упаду и сверну себе шею.

Король аспидов улыбнулся.

– Присаживайся. И пока Кармита разливает вино, расскажи-ка мне, как тебя приняли в отряде Хортега.

В зале появилась девушка с такими же фиолетовыми крыльями, как и у Авилы.

Бартлетт удивленно уставился на нее, и девушка смутилась под пристальным мужским взглядом.

– Да-да, мы тоже разнополые, – звонко рассмеялся хозяин пещеры.

– Стоило попасть в пограничный мир, чтобы узнать об этом, – пробормотал князь.

– Так что, как тебя приняли? – повторил свой вопрос Авил.

– Хорошо приняли. Думаю, найду общий язык со всеми. Правда, пока не запомнил имена братьев-близнецов и не научился различать их между собой.

– Брозгет и Хоаши, – подсказал аспид. – У Брозгета заметный шрам на правой брови. А у Хоаши след от ожога на кисти левой руки.

– Приму к сведению. Спасибо, – решил попробовать Бартлетт рыбное блюдо. Выглядела рыба сильно аппетитной. На вкус – превзошла все ожидания. – Знаешь, Авил, – сказал князь, – пожалуй, я буду приходить к тебе обедать.

– Приходи. Только учти, к моему столу не всегда подается рыба.

Авил смотрел Бартлетту прямо в глаза, и князь не отвел взгляда. Сколько же тебе лет? – думал он, понимая, что юное тело всего лишь обманка.

– И что подают к твоему столу, помимо рыбы?

– Мы, змии, знаешь ли, любим побаловать себя мертвечинкой, – весело ответил аспид. – Особенно такой, что уже превратилась в жуть и ночной кошмар. А что делать, дорогой друг? Что делать? Обрато на небеса этих мертвяков уже не запихнешь, на земле оставлять их нельзя, вот и приходится кушать голубчиков.

– Смотрю, у вас тут безотходное производство, – иронично заметил Бартлетт. – А в пограничный мир по какому принципу людей отбираете?

– Особого принципа нет. Так, кто подвернется.

– То есть Элиас и Лора просто подвернулись? Случайно?

– Девчонки пострадали из-за своего любопытства. Мои подданные увидели их в неполюженном месте и решили пригласить в гости.

– Ничего себе приглашение, – возмутился Бартлетт. – По-твоему, разодрать человека до смерти можно назвать приглашением?

– Но человек ведь должен прежде умереть для земного мира, – заметил Авил. – Иначе в пограничье не попасть.

– Это я понял. Я о том, обязательно раздирать жертву когтями и зубами?

– А, это, – улыбнулся король. – Ты прав, не обязательно. Но так – веселее.

– Вот как, забаву, значит, себе придумали?

– Да ладно тебе, Бартлетт, – пожал плечами аспид, – поживи с наше, и не на такие развлечения еще потянет. Лучше скажи, зачем призвал меня в своем последнем походе? Я ведь посматривал за тобой. Знаю, любовь у тебя случилась. А ты взял и на смерть пошел. Ты мог побороться. Смерть сторонилась тебя. И в тот день не забрала бы к себе. Пожертвовать собой, ради всего отряда. Благородно, конечно. Но не глупо ли, когда повстречал свое счастье?

Мюрай помрачнел, непроизвольно дотронулся до синего камня на своей шее.

Авил наблюдал за ним. Его действительно сильно заинтересовал поступок князя.

– Я не мог поступить иначе, – после минутного молчания ответил Бартлетт. – Разве смог бы я смотреть потом в глаза Элиас, погубив весь отряд?

– Ну и что? – пожал плечами Авил. – Все погибли, один выжил. Так бывает. Они бы умерли, а ты остался жить. Женился бы на Элиас и жил в свое удовольствие.

– С моим отрядом отправились юнцы, единственные сыновья у своих родителей, отец шестерых детей, да тот же граф Рид Руссель, с которым Элиас знакома с детства. Не мог я их угробить, понимаешь?

– Война, князь, есть ускоренная жизнь, – философски заметил Авил. – А теперь, тебе пора. Завтра твой первый дозор.

Глава 5. Подозрения

- В детстве Элиас боялась, что стоит свесить ноги с кровати, как аспид ухватит ее за них.
- Ай! – вскрикнула она, пряча ноги под одеялом.
 - Что случилось, Элиас? – заглянул в спальню муж.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.